

Набравшись с ранних лет жизненного опыта на стройках Сибири, потолкавшись локтями в толпе окружающих его простых работяг, научившись отстаивать своё достоинство в их среде, он прибыв на Военно-Морской Флот уже подготовленным для жизни человеком. Вполне сформировавшимся. Увидев море, корабли и столкнувшись с мужественными людьми в военной форме, он был просто потрясён тем, что существует другая, отличная от береговой прозы, романтическая, непредсказуемая жизнь, овеянная ветрами и просоленная морскими бризами. Мечтал ли ранее художавший, сутуловатый паренёк из курской сухопутной глубинки о морских просторах — не знаю. Но что море сподвигло его на лирические размышления и изложение своих мыслей на бумаге сразу же в отряде учебного подводного плавания — это видно по его ранним стихам:

...Мои пути не были
лёгкими,
Я был всегда на них
солдатом.
Через прокуренные лёгкие
Стихи реались, реались
куда-то.
Я их начал в родном
селении,
Когда учился в школьных
классах.
Я их пронёс по стройкам
северным,
Я их ковал в печах
Кузбасса.
Их нет ещё — могучих,
звонких,
Они во мне пока
рождаются.
Я им ещё строчу пелёнки,
Им рифмы только
высекаются.
«К землякам»,
август 1961 г.
Или строки из стихотворения
«Уже три дня стоим мы в бухте
Кольской», датированного
1960 годом:
А я — ещё парнишка
нецелованный,
На баке, затянувшись
папиросой,
Смотрю, как бьются
радуги над молотом,
И песню слушаю
друзей-матросов.
И вот, когда заливе
утонет в сумерках
И потемнеют волны
у причала,
Склоняюсь тихо
к башенному сурику —
Ищу в себе своей
любви начало.

Там, в Сибири,
за канвой отрогов
Гор Хибинских,
не было свиданий.
Не найдя подруги,
июность строгая
На моря ушла
рассветом ранним.

Первые стихи поэта — испанскую его рукой общую ученическую тетрадь под названием «Музыка моря» с разделами «К Поэзии» и «Кремнёвые строки» — мне передала его жена Маргарита Ивановна Белова. Самые ранние в ней датируются 1958 годом. Этот год как раз является годом учёбы в отряде подводного плавания и поступления на первый курс морского училища. И поэт не зря назвал так свою рукопись. По стихам видно, как заинтриговали его красота и разноголосица этой, не виданной им доселе стихии. В стихах повсеместно встречаются такие словосочетания, как «песня моря», «оранжевая песенка заката», «где власть ветров», «залив утонет в сумерках», «и дали в роздыми, в сиреневой» и т. п. Они, конечно, ничего нового для бывалого моряка не открывают, но

этим строками и образами он открывает море для себя. Он пока рисует его на фоне своего мысленного «Я». Но впоследствии, в своих зрелых стихах, он будет использовать море фоном для раскрытия ярких романтических и исторических человеческих образов и характеров.

А пока он мечтает тоже иметь девушку на берегу, как многие его сверстники, которая бы ждала его из дальних плаваний, посвящая ей стихи — ей, ещё неведомой, — и гордится тем, что служит на флоте. Стихи данного периода явно насыщены этой гордостью, максимализмом и патриотизмом, желанием «глаголом жечь сердца людей»: воевать за справедливость и жизненную правду. Он ощущает уже своё предназначение как поэта. А чтобы это ощущать, надо иметь большую силу воли и духа, уверенность в себе, уверенность на пути к желаемому результату.

...Это только начало,
друг мой, —
Сердце моё необузданное.
Ещё — где-то,
в пути неизведанном, —
бой.
Ещё схватимся
с кем-то музами.
...Мы пройдем
большаком-дорогой,
Избегая пути-пороболы.
В сердце только
одна тревога —
Не сбиться с пути правды.
Ленинград, 1958 год.

И он с этого пути не сбился. Душой никогда не кривил. С властями имущими ради своей карьеры дружбы не водил. Пытаясь осознать историческую правду России и себя, как великоросса, облекал свои мысли в рифмы, за что и был уволен из «башенного» учебного заведения. Муза в этом случае осталась бессильной перед вершителями судеб советского строя. Но правой всё равно оказалась она. Стихи Владимира Науменкова и он сам остались в сердцах людей, его окружающих и читающих. А где те деятели, блюстители советской дисциплины, которые вершили его судьбу? Их нет, как не осталось и многих рьяных пресмыкателей пред «царскими палатами», занимающих высокие посты в тогдашних структурах. За исключением тех, кого отобразил в своих произведениях сам поэт.

Не умирает тот поэт, который поёт о своём народе. Это издревле доказано жизнью. Даже враги того народа и того поэта, читая его поэмы и находя в них суть, начинают проникаться уважением к своему противнику. Они начинают видеть то мудрое и вечное, существующее в этом народе, которое с гордостью показывает художник, отмечая на задний план все неприглядные черты, которые присущи всем народам и нациям: леность, чванство, обман, воровство, алкоголизм, наркотики, разврат, бандитизм и т. д. Это — бытовые, переходящие из строя в строй, из поколения в поколение пороки всех народов, а не только русского, как сегодня пытаются нам внушить с экранов телевидения и со страниц газет многие продавшиеся за американские доллары журналисты.

Ещё — воспевание упомянутой социальной грязи и нахождение в ней какого-то удовольствия — юдоль наших нынешних молодых «поэтов-песенников» и исполнителей своих «произведений» с эстрады. И они не понимают, что в первую очередь они обливают грязью себя как личности, а уже во вторую очередь — народ, из которого вышли. Народ — понятие необозримо ёмкое. И каждому россиянину сегодня понятно, что

Владимир Иванович Науменков (1 сентября 1937 г. — 23 апреля 1995 г.) родился в деревне Кудинцево Льговского района Курской области. После семилетней (тогда ещё) общеобразовательной школы окончил строительное ФЗО и до призыва в армию работал на стройках Кемеровской области, в посёлке Междуреченске. Служить попал в Военно-Морской Флот. В учебном отряде подводного плавания получил профессию судового электрика и после первого года службы поступил (тогда такое практиковалось в Советской Армии и на Военно-Морском Флоте повсеместно), а в 1962 году окончил Ленинградское высшее военно-морское училище им. М.В. Фрунзе, отделение журналистики. Распределение на Камчатку взял по собственному желанию и в 25-летнем возрасте прибыл в Петропавловск-Камчатский. Работал до 1967 года в посёлке подводников Лахтажном в военно-морской газете «Залп». Организовал и вёл литературный кружок среди матросов срочной службы и пишущих офицеров. Затем, после досрочного списания на берег не по собственному желанию, прожил один год в Москве, в квартире родителей своей первой жены, и вернулся на Камчатку, в Тиличики, где стал работать в районной газете «Заря коммунизма». От первого брака у Науменкова остались в Москве сын и дочь. Жена с детьми на Камчатку ехать отказалась. К нему приезжала мать и некоторое время жила в Тиличиках. Потом переезд в город Петропавловск и работа в газетах «Камчатский комсомолец» и «Камчатская правда». Из редакции «Камчатской правды» он в начале 1994 года был отправлен на пенсию.

Эту краткую биографию Владимира Ивановича я привожу для того, чтобы читателю более явственно представлялся творческий путь самого лучшего, как я считаю, поэта на Камчатке — Художника с большой буквы, истинно русского человека, преклоняющегося перед своим народом и глубоко почитающего свою Родину — Россию. Именно такие люди в любом народе и являются носителями национальных особенностей, идей и устремлений, и остаются в памяти и истории не только своей нации, но и всего человеческого окружения.

Фото Сергея СОЛОВЬЕВА.

МОРЕ и ЛЮДИ в стихах Владимира НАУМЕНКОВА

вышеперечисленные пороки — явление интернациональное и не присущее в такой мере, как это пытаются представить нам в средствах массовой информации, россиянам. Россияне живут сегодня другими проблемами — более патриотическими и фундаментальными, исходящими из многовековых своих корней. Владимир Науменков верил в свой народ, и очень тяжело ему было переживать развал такой великой державы, как СССР, которую веками собирали всем миром, а развалили в одночасье, с радостью, несколькими тщеславными «мудрецами». Но это было потом. А пока, равняясь на свой век, он писал:

Я не хочу судить жестоко
Весь этот хлам
продажных песен,
И гимны, петые пророку,
Его тянувших
к поднебесью.
Народ стоял,
до смерти загнанный,
И слепо верил,
в рог согнутый,
Что верен путь,
ведомый магами.
Не по равнине путь —
оврагами.
И как бы ни было
там круто —

Всё нипочём ему,
удалому —
Народу нашему.
Но разве
Мы закрывать
должны заслуги?
Мы подменять должны
героев
Его — всесильного
в недугах,
Его — бессмертия
достойного?
1961 г.

Или в эти же годы, примеряясь к морскому горизонту, он искал за ним следы своих пращуров и говорил:
... Океан
смельчаков любил,
флотоводцев твоих,
Россия!
капитанов
с глазами впальми,
что, уйдя от земных
рубелей,
захлебнулись
сдлёнными шквалами.
Тех, кто брали с собой
в моря
мужиков,
моих курских прадедов.
Снилась им голубая земля,
снилась им
русские праздники...

Вопрос: куда ехать служить, не был для него вопросом. Обойдя за время учёбы, на практиках, северные моря, побывав на Чёрном море, а до этого полюбив Сибирь, он заранее выбрал для себя Дальний Восток, и именно Камчатку. Это видно из его тогдашнего стихотворения «Выбор сделан», которое он написал 22 апреля 1961 года в Ленинграде:

На моря! На моря!
Где туманы камчатские!
Направляет меня
Моя совесть моряцкая.

С вдохновением описывал он уже здесь, на Камчатке, победу русских моряков, казаков и местного населения Петропавловска над англо-французской эскадрой в 1854 году, в стихотворении «Конец адмирала Прайса»:

И вот, когда почти
окончен путь,
нас занесло к суровому
народу.
И люди встали так
неколебимо
на этих грозных
и железных сопках,
и русские направили
штыки.

Не сломим мы
их дух патриотизма,
не сможем земли
русских покорить.

Оказавшись в отставке, но будучи в душе моряком, он завёлся многими друзьями-моряками среди торгового и рыболовного флотов. Бывал у них в гостях на судах и дома, приглашал в гости к себе в редакцию и домой. Слушал, вникал в их житейские проблемы. Одной такой проблемой 25 лет назад у рыбаков был перегруз судна, за который капитанов лишали дипломов. Перегруз заключал в себе две стороны одной медали: моральную и материальную. Победителями из этого положения выходили, отчаянные: блатные (потому как имели возможность откупиться) или очень грамотные, рискованные и везучие капитаны. Рыбы в то время ловили много, как выражались рыбаки: «штанами ловили», а объёмы трюмов не позволяли вмещать желаемое количество сырка. Поэтому, сообразывая со всеми окружающими факторами, капитаны заливали рыбой, помимо трюма, палубу по кромки фальшбортов и шли к плавбазам на сдачу сидящими в воде «по уши». Глубоко утапливая грузовую марку (ватерлинию). Такие перегрузы всегда были на совести капитанов: удалось благополучно сдать улов — вся команда герои и с хорошим заработком, и капитан на высоте. Но, бывало, неожиданно налетевший шторм смывал рыбу, топил или переворачивал сейнер. И тогда капитан, если оставался жив, всю жизнь нёс на себе крест губителя душ человеческих. К таким нарушителям безопасности мореплавания Регистр Союза ССР (ныне России) относился безжалостно, лишая их дипломов и права занятия капитанских должностей на несколько лет.

На эту тему Владимир Иванович хотел в своё время написать поэму «Ватерлиния» и даже опубликовал в своей первой книге «У этих каменных берёз» две её главы под заглавием «Старпому нужен боцман»:

...И долго капитан
смотрел на рейд —
ни слова, ни полслова
он не сказал. Ужель его
летам
стоять вот так
у берега пустого?!
Стоять не там,
где океан знобил,
где волны глухо
через борт хлестали,
где он «Послушный»
по уши топил
тресковыми и прочими
хвостами.
Да что теперь,
когда виновен сам?
Когда «Послушный»
уходил всё ниже?
Регистр — он врач,
он берег прописал,
а берег пострашнее
всяких ижиц.

Однако потом на рыболовном флоте появились более существенные и ранее не афишировавшиеся в прессе проблемы — выбросы той же самой, привезённой при утопленной марке рыбы и не сданной на плавбазы по причине большой очереди на сдачу. Сырец начинал портиться, и капитаны, давая на капитанских часах своё положение всё в той же очереди на сдачу, отбегали от плавбазы, вываливали старую рыбу за борт, залавливали новой и возвращались незамеченными. Вскрылось также утопление сотнями тонн закошелькованной сельди, начинающей залегать в неводе и опасно кренить сейнеры: всё по той же причине — отсутствием достаточного количества плавбаз для приёмки имеющейся рыбы. И многие

другие, называющиеся сейчас по-модному — экологические проблемы, затмившие собой проблему перегруза. И Владимир Иванович оставил на поздние времена свою затею с «Ватерлинией». А позднее события в стране стали развиваться непредсказуемо стремительно, и мы все сами сели «по уши» ниже ватерлинии. Задумка его так и осталась до конца не реализованной.

Большой интерес Науменков проявлял и к историческим открытиям российских верноподданных. В частности, работая в Тиличиках, в местах, которые открывал, описывал, наносил на карту и осваивал Фридольф Фабиан Кириллович Гек, очень заинтересовался биографией и полезной деятельностью этого великого морехода. Своё стихотворение, посвящённое художнице Нелли Баранчук, он так и назвал «Шкипер Гек»:

Что сманило Гека
в этот край?
Неужели хватка китобоя?
Не играй ты, ветер,
не играй
белыми накатами у моря!
Ты покинул родину давно,
синие фиорды
Гельсингфорса,
и тебе теперь вот
не дано
даже спрыгнуть
с каменного носа.

«Каменным носом» здесь Науменков называет мыс, названный в тех краях именем шкипера Гека. Сам Владимир Иванович не смог написать всего, что хотел, о Фридольфе Геке — не все задумки человека исполняются им при жизни, потому что для них и всей жизни не хватит. Но своей идеей он вдохновил меня на написание поэмы «Неугомонный шкипер», эпиграфом к которой я взял его слова: «Клянюсь тебе я, шкипер Гек, всем твоим походам к синим странам».

Море в стихах Науменкова — это не просто море, которое само по себе красиво, музыкально, стихийно-бурное, опасное, романтическое и т. д. Это прежде всего фон для раскрытия мужественных характеров героев — прежде всего российских людей, которыми он восхищается и гордится. Для него нет разницы, кем является герой его стихотворения по национальности, если он рдеет за Великую Русь и хорошо отзывается о её народе: финн ли шкипер Гек из одноимённого стихотворения; коряк ли «тралмастер Чеча — человек бывалый» из стихотворения «Старпому нужен боцман»; девочка ли чукчанка, прославляющая свою родину в стихотворении «Песенка чукотской девочки»; враг ли России — англичанин адмирал Прайс, прошедший огонь, воду и медные трубы. Покоривший многие туземные народы, преподнесший их земли на алтарь английского престола, но сломавший зубы о русский дух и застрелившийся на далёкой от его родины земле Камчатке. Но с особой гордостью Владимир Иванович говорит (и его стихи пронизаны этой суровой идейной нитью), что он русский человек — славянин по роду и по убеждениям. Потомок этого великого племени, основной массой своей одолевшего множество врагов нашей необъятной Родины, и к которому он испытывает великое уважение.

Геннадий
СТРУНАЧЁВ-ОТРОК,
член Международной
ассоциации писателей
баталистов
и маринистов.